

Глава 13. Перевал. Часть I

Золотая механическая птица с трудом пробивалась сквозь стену проливного дождя. Её перья насквозь промокли, а раны, полученные в недавней стычке, давали о себе знать: при каждом резком порыве ветра она теряла равновесие. Вскоре золотистый отблеск окончательно растворился в серой хмари.

— Спасибо за приют, старина! — пробормотал Чэнь Гэ, проходя мимо исполинского древнего дерева.

Он сложил ладони в молитвенном жесте, вспомнив фразу из игры «Don't Starve», и решил переждать ливень под густой кроной.

Сырость и пронизывающий холод всегда приносят с собой щемящее чувство одиночества. На юношу вдруг накатило раскаяние. «Зачем мне всё это? — думал он. — Сначала я сидел один в подземелье под градом камней и в клубах дыма, балансируя между жизнью и смертью. И как они меня отблагодарили? Назвали чудовищем!»

За одну ночь мир перевернулся. Прошлое рассеялось дымом, а истина осталась погребена в недрах иной, навсегда исчезнувшей вселенной. Он чувствовал себя космическим мусором, выброшенным на дикую, первобытную планету, где его ждала лишь вечная пустота.

«А если я всё-таки попробую... получится ли? Я ведь даже школу не закончил», — Чэнь Гэ никак не мог подавить желание бросить всё и повернуть назад. Может, вернуться к Ли Хуну и жить припеваючи? Вирус ему теперь не страшен, так зачем взваливать на плечи заботу обо всем человечестве?

Внутри клокотала ярость и тоска. Призраки прошлого, казалось, тянули к нему руки из темноты, шепча: «Сдайся, забудь... Разве кто-то знает, какую боль ты терпел, когда плоть заживо сгорала в огне? А они лишь кричали: „Монстр!“»

Струйка сизого дыма, словно ядовитая змея, медленно и осторожно обвила его шею, поползла выше и зловеще впилась в висок.

Чэнь Гэ вдруг зашелся в рыданиях. Он утирал слёзы локтями, точно ребёнок, который упал и ждёт, когда родители поднимут его, но, не дождавшись внимания, начинает реветь ещё громче.

В одно мгновение он полностью погрузился в воображаемый образ. Сначала он представил себя Вэнь Тяньсяном — верным министром, чей совет отвергли, и он вынужден уйти в отставку. «Тяжкий путь начался с одной лишь книги, а теперь вокруг — лишь звёзды над полем битвы...» Нет, не то. Вэнь Тяньсян страдал недостаточно. Нужно что-то вымышленное, максимально трагичное.

Прекратив плакать на мгновение, он призадумался, а затем зарыдал с новой силой.

На сей раз он стал юным регентом. Ради спасения неокрепшего императора-сироты он взял на себя бремя власти, терпя пересуды толпы, и воспитывал племянника в небывалой строгости. Мальчик вырос, боясь и боготворя его одновременно. Но вот на границе вспыхнула война, регент лично повел войска в бой, победил, но по возвращении попал в засаду, устроенную самим императором. Тяжелые раны подорвали здоровье, он слёг. За годы правления за ним накопилось немало тёмных дел, и теперь, когда он ослаб, на него обрушилась ненависть народа.

Вчерашние союзники разбежались, император конфисковал имущество, а самого его — немощного и больного — продали в мужской бордель! И хотя он был готов избрать смерть, тело не слушалось, и грубые вышибалы замучили его до полусмерти...

— О-о-о! — взвыл Чэнь Гэ, переворачиваясь на бок и вцепившись в кору дерева. Он забарабанил кулаками по стволу, беззвучно крича: — Пока стоит этот мир, я обязательно возрожусь!

Этот приступ пафосной драмы подействовал на него как очищающее пламя. Вся меланхолия мгновенно улетучилась, оставив в душе приятную пустоту.

В ту же секунду в дерево ударила молния. Чэнь Гэ забился в конвульсиях, закатил глаза и затих.

Странный сизый дым, только что впившийся в его висок, был мгновенно выбит разрядом электричества и развеялся, не успев даже среагировать.

В небе проплыла огромная пицца «Суприм» с тягучим сыром и морепродуктами...

Задышавшись, Чэнь Гэ очнулся от нелепого сна. Он с трудом сел, поражённый открывшейся перед ним картиной.

Воздух был пропитан влагой, в нём плавно дрейфовал светящийся планктон. Звёздный ковёр устилал небосвод, а на западе, над горой Линшань, колыхалось Духовное море, испуская ослепительно белые нити света. После грозы земля очистилась от пыли, увядшие травы сбросили старую листву, а вечнозелёные заросли, напившись долгожданной влаги, сияли первозданной свежестью. В жилах каждого листа пульсировала жизнь.

В тёмной чаще вспыхивали призрачные голубые огоньки. Улитки, таща на себе округлые домики, медленно переставляли мясистые тельца. Зайцы стайками шмыгали в норы, а ветвисторогие олени грациозно пили из горного ручья. Койот с горящими зелёными глазами вместе с сородичами выслеживал отбившегося от стада кабана.

Уставшие птицы возвращались в гнёзда с дневной добычей. Гадюка, поводя раздвоенным языком, обвилась вокруг ветви, где дремали птенцы. Пёстрые фазаны выстроились в ряд, распутив длинные яркие перья, а сова с отсутствующим взглядом мерно покачивала головой в такт ветру.

Мимо Чэнь Гэ неспешно проползла гигантская змея. Она приподняла голову, мельком глянула на него и безразлично скользнула дальше, словно говоря: «Смотри, малец, природа полна покоя, но за ним таится смерть».

Его чувства никогда не были столь обострены. Он улавливал в шелесте ветра траекторию полёта светлячков. Всё это казалось настолько невероятным, что он сорвался с места и побежал по лесу. Он взлетал на ветки, пугая птиц; тяжёлые капли дождя срывались с листьев и с тихим плеском разбивались о его лоб.

Впереди показалось нечто странное — белая кошка на дереве! Старый тигр яростно бил мощной лапой по стволу, а на верхней ветке она лениво вылизывала розовую подушечку лапы.

Чэнь Гэ это показалось забавным. Пользуясь моментом, он одним прыжком взлетел на дерево, сцапал кошку в охапку и, усевшись на ветку, принялся тискать её за хвост, поглядывая на беснующегося внизу хищника.

Раньше Чэнь Гэ пасовал даже перед рослыми людьми, не говоря уже о тиграх, а тут ему выпал шанс рассмотреть зверя вблизи, без всяких решёток. Пока юноша с интересом наблюдал за ним, тигр вдруг замер, озадаченно потоптался и угрюмо ушёл прочь.

Чэнь Гэ озадачился. Почему-то ни змеи, ни тигры не проявляли к нему враждебности. Даже те золотые гуси не пытались его съесть — разве что один постоянно нападал, но тот, видимо, просто на него обиделся. Животные не то чтобы не злились... они словно не желали с ним связываться.

Зато кошка оказалась не столь миролюбивой. Она резко крутанула хвостом и мазнула им по носу Чэнь Гэ. Тот оглушительно чихнул, потерял равновесие и рухнул вниз, пропахав лицом землю. Пока он выплёвывал грязь, кошка уже бесследно исчезла.

Однако обострённые чувства приносили не только радость созерцания.

Небо снова затянуло тучами, пошёл мелкий дождь. Малейший ветерок пробирал до костей. Чэнь Гэ задрожал всем телом и припустил бегом. Шаги глухо отдавались в размокшей земле. Лицо его побледнело, мокрые волосы прилипли к щекам, точно морские водоросли. Он съёжился, спрятав руки в рукава, словно боясь насмерть замёрзнуть — а потом снова ожить.

Спустя пару часов небо посветлело. Когда первые лучи солнца пробились сквозь листву, биологические часы Чэнь Гэ настойчиво потребовали сна.

Он нашёл дерево повыше, забрался на макушку, обмотался какой-то лианой для страховки и провалился в сон.

Ночи в лесу были мучительны. Хотя хищники его не трогали, обострившиеся чувства усиливали одиночество в сотни раз. Весь мир словно вымер, и он остался единственным живым существом на земле. Возможно, именно в этом и заключалась его пытка на грядущие века — если он действительно обречён на бесконечные возрождения.

Чэнь Гэ проснулся только к вечеру. Птицы, видимо, сочли его шевелюру идеальным местом и уже начали сооружать там подобие гнезда.

Он осторожно снял заготовку, переложил её в укромную развилку ветвей и спустился вниз, чтобы продолжить путь.

Тишина ночного леса давила на него, поэтому он предпочитал идти в темноте, а днём отсыпаться на деревьях. Если же днём шёл дождь, то и повода для привала не было.

Так он миновал одну ночь и два дня. Наступила третья ночь с тех пор, как он расстался с Ли Хуном и двинулся на запад от Цзинсина. Он достиг подножия гор Тайханшань. Деревень здесь почти не было, лишь изредка попадались лачуги охотников.

Чэнь Гэ, привыкший к ночному образу жизни, разминулся с людьми, которые уходили в горы на рассвете. Видя в окнах тусклые огоньки масляных ламп, он ужасно хотел постучать и просто перекинуться парой слов хоть с кем-нибудь, но, слыша из-за стен мирный храп, не решался тревожить чужой сон.

— Как тебя зовут? — простонал Чэнь Гэ, едва переставляя ноги. — Три дня не видел ни одной живой души!

Наверное, другой на его месте, обладая такой силой, не знал бы покоя. Но Чэнь Гэ, кажется, этого даже не замечал. После недолгого воодушевления в начале пути он просто предавался лесному безделью, забыв о тревогах.

Совсем недавно он полчаса просидел у норы, выжидая момент, пока не выудил оттуда заплётённого кролика. Потискав его за уши и погладив пушистое пузо под испуганные взгляды сородичей, толпившихся у входа, он заскучал, отпустил зверька и, отряхнув штаны, поплёлся дальше.

Ветер то утихал, то налетал с новой силой. Ночной ливень превратил горную тропу в месиво. Чэнь Гэ шёл, задыхаясь от усталости и обливаясь потом. Он никак не мог взять в толк, почему горные дороги такие извилистые, и поначалу пытался карабкаться по прямой. Но силы покидали его быстрее, чем успевали восстановиться, поэтому пришлось смириться и вернуться на тропинку.

Ещё пара часов пути — и он на вершине.

Дальние горы казались тёмным океаном, по которому под порывами ветра катились волны густой листвы. Шум ветра в кронах деревьев звучал для него столь отчётливо, что он мог мысленно воссоздать каждый уголок пространства.

Величественные горы, бескрайний мир — и человек, такой крохотный на их фоне.

Голубые огоньки мерцали повсюду, и вдруг ветер донёс до него звуки цитры. Музыка? Здесь? В три часа ночи?!

Чэнь Гэ встрепенулся и побежал на звук. Продираясь сквозь заросли увядшей травы и перелески, он вышел к журчащему ручью. В лунном свете вода казалась живым серебром. Чэнь Гэ затаил дыхание и, взобравшись на дерево, заглянул сквозь листву.

Всё вокруг было залито призрачным сиянием луны. Горный поток извивался, точно чешуйчатый дракон, рассыпая холодные искры. Казалось, мир заключён в огромный хрустальный шар, где время замедлилось, а ветер замер в немом восторге.

На плоском валуне у самой воды сидел длинноволосый мужчина. Перед ним лежала старинная цитра — ни из золота, ни из дерева. Когда пальцы касались струн, лунный свет и блики воды сплетались воедино, очерчивая зрелое, волевое лицо.

В темноте зрачки Чэнь Гэ расширились. Он видел каждое движение незнакомца.

Взгляд музыканта был острым, как лезвие меча. Его длинные пальцы с крепкими суставами были покрыты мозолями — так выглядят руки человека, который привык и к струнам, и к рукояти оружия.

Музыка была наполнена рокотом боевых барабанов. Концентрированная жажда крови, исходившая от струн, превращалась в порывы ветра, вздымавшие брызги воды. «Настоящий живой миксер», — нехотая подумал Чэнь Гэ. Ну какой нормальный человек будет играть посреди глуши глубокой ночью? «Впрочем, я и сам уже не вполне нормальный. Может, он тоже?»

Он вспомнил рассказы Ли Хуна о духах и демонах. Местные жители свято верили в сверхъестественное. Причём Ли Хун и Янь Чуань говорили об этом с такой серьёзностью, будто цитировали учебник истории. Они не удивились ни золотым гусям, ни ожившим мертвецам. И Духовное море для них было чем-то само собой разумеющимся.

«Неужели я встретил оборотня? Наверное, это взрослый лис-искуситель».

Чэнь Гэ так увлекся своими фантазиями, что не заметил, как в него влетела капля воды. От

неожиданности он вздрогнул, сорвался с ветки и с треском рухнул в кучу сухих листьев.

Музыка не смолкла. Чэнь Гэ поспешно вскочил на ноги и замер на другом берегу ручья, встретившись взглядом с незнакомцем. Тот окинул его безразличным взором и снова закрыл глаза.

Перейдя ручей вброд, Чэнь Гэ оставил на камнях мокрые следы. Он неловко почесал затылок, боясь нарушить исполнение, и остановился рядом.

Как только он замер, музыка оборвалась. Мужчина открыл глаза. На мгновение в них полыхнула яростная мощь, но тут же угасла, сменившись бездонным спокойствием.

— П-привет, — выдохнул Чэнь Гэ. — Вы так красиво играете. Что это за мелодия?

Незнакомец коснулся струн, гася их вибрацию, и, не поднимая головы, усмехнулся:

— Откуда здесь взялось это дитя? Глухая ночь... Не боишься, что я оборотень?

Чэнь Гэ улыбнулся. Мужчина показался ему вполне дружелюбным «зрелым дядюшкой».

— Я и сам из таких.

Мужчина поднял на него взгляд. Лицо его было худощавым, черты — благородными, а взгляд — на удивление мягким.

— Заблудился?

Чэнь Гэ покачал головой:

— Нет! Я вообще не знаю, где тут дороги, так что «заблудился» — не то слово. Три дня брожу по горам, и вы — первый живой человек на моём пути.

Музыкант негромко рассмеялся:

— Мы у самого подножия Тайханшаня. Иди на север или на юг. Вряд ли ты пришёл сюда на охоту.

— Мне нужно в Бинчжоу. Знаете, как туда добраться?

Мужчина тронул струну, раздался низкий, дрожащий звук:

— Иди на север, пока не дойдёшь до деревни Чжаоцзяцунь. Там повернёшь на юг — ещё день-другой пути.

— Огромное спасибо! А я-то думал, мне всё время на запад, — Чэнь Гэ с облегчением выдохнул.
— Надеялся встретить кого-нибудь и спросить дорогу, да всё одни звери. Вчера видел хижину, но там уже спали, не хотелось беспокоить... Я вам не помешал?

Мужчина едва заметно качнул головой. Его длинные волосы рассыпались по плечам, от всей его фигуры веяло непринуждённой свободой.

— Проходил мимо, нахлынуло вдохновение... Взялся за цитру, чтобы развеять тоску. В музыке забываешь о печалях, и вот — уже глубокая ночь. В этом мире трудно найти того, кто понимает музыку. Если кто-то готов слушать — это уже удача. О какой помехе речь?

«Настоящий эстет», — подумал Чэнь Гэ и спросил:

— Мелодия очень знакомая, кажется, я слышал нечто подобное. Как она называется?

Собеседник вздохнул:

— У неё нет имени. Так, играл, что на душу легло.

Чэнь Гэ вдруг осенило:

— Вспомнил! Похоже на «Гуанлин Сань». Из классики я только её и...

Мужчина замер. Он медленно убрал инструмент в чехол:

— Наступили смутные времена, мелодии «Гуанлин Сань» больше нет в этом мире. Мал ещё, а имеешь чуткую душу.

— Вечная песнь, цветы тангди, — Чэнь Гэ увидел, что «дядюшка» собирается уходить, и тоже вскочил, присев на корточки рядом. — Самопожертвование ради спасения народа... Дух рыцарства. Я всегда восхищался такими ассасинами, хотя отец и брат в детстве запрещали мне читать про них.

— Твои близкие были правы, — отозвался мужчина. — Хорошему ребёнку не стоит учиться жестокости.

Чэнь Гэ протянул руку и коснулся его ладони. Рука музыканта выглядела мощной, но на ощупь оказалась удивительно мягкой.

— А как вас зовут? Куда вы путь держите? Я Чэнь Гэ, и я вообще-то за мир во всём мире.

— Иду в царство Хань, ищу одного человека, — мужчина закрепил цитру за спиной. — Будь осторожен: начались осенние паводки, на севере реки вышли из берегов, кругом наводнения. В Бинчжоу, верно, тоже хаос.

Чэнь Гэ оторопел, его лицо комично вытянулось, а в глазах заблестели слёзы:

— Да ладно вам! На юге зима и засуха, а на севере — потоп? Куда мне теперь податься?

Мужчина уже уходил, не оборачиваясь:

— В этом году разлив Хуанхэ опоздал на два месяца. Мир меняется, кто знает, что будет завтра?

Его силуэт растаял в лучах восходящего солнца.

Ни самолётов, ни поездов, ни карт, ни компаса... Единственная дорога — и та затоплена. Ну не издевательство ли?! Скажите, ну не издевательство?!

Чэнь Гэ был на грани истерики. Он в отчаянии покружился на месте, а затем полез на дерево — спать.

<http://bllate.org/book/17509/1657404>